

УДК 9(47+57)2(082)

ББК 63.3(2)6я43

Т78

Ответственные редакторы С.А. Баканов, Г.А. Гончаров

Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. том 5. / Под ред. С.А. Баканова, Г.А. Гончарова. – Челябинск: ООО «РЕКПОЛ», 2011. – 132 с.

ISBN 978-5-905380-03-7

В сборнике научных трудов кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета представлены результаты научных изысканий, проводившихся преподавателями, аспирантами и студентами кафедры в 2010 г.

Издание осуществлено при финансовой поддержке И.В. Евсеева и А.В. Беляева

ISBN 978-5-905380-03-7

© Авторский коллектив, 2011

© ООО «РЕКПОЛ», 2011

⁷ Карлов Б. Николай Николаевич Носов, 20 лет памяти писателя (1908-1976) // [URL - <http://sheba.spb.ru/nosov5ug.html>]; Курий С. Приключения Незнайки в СССР и СНГ // [URL - <http://www.ytime.com.ua/ru/17/2004/27/66>]

⁸ Загидуллина М.В. Указ. соч.

⁹ Носов Н. Приключения Незнайки и его друзей. М., 1991. С. 5. (В дальнейшем ссылки на книгу будут даваться в тексте в скобках).

¹⁰ III Программа КПСС // Материалы XXII Съезда КПСС. М., 1961. С. 400.

¹¹ Там же. С. 384.

¹² Кукулин И. Указ. соч. 238.

М.А. Базанов

ДИПЛОМАТИКА В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.А. ЗИМИНА

Ныне, спустя свыше тридцати лет после смерти А.А. Зими́на, можно уверенно говорить о весомом вкладе этого человека в развитие советского источниковедения. Вклад этот, надо отметить, заключается не только в его многочисленных конкретно-исторических исследованиях, но и в разработанных им методиках и принципах анализа источников, в целой плеяде учеников, в свою очередь ставших блестящими источниковедами (например, С.М. Каштанов, М.Е. Бычкова, Ю.Д. Рыков и др.). Поэтому исследование источниковедческой составляющей творческого наследия А.А. Зими́на по-прежнему остается одной из актуальных задач историографии. Лучшим доказательством того может служить обилие работ, в которых разрабатывается данная проблематика¹.

Есть, однако, у большинства этих исследований один недостаток – в них методики источниковедческого анализа А.А. Зими́на рассматриваются в отрыве от его теоретико-методологических взглядов. Видимо, это стало результатом того, что сам историк в каких-либо теоретических дискуссиях того времени участия не принимал. Следует отметить, что А.А. Зимин даже к вопросам теории исторической науки обращался крайне редко. Незадолго до смерти в своих воспоминаниях он даже обронил «горькую» фразу: «...не хватает мне данных для философского анализа истории...»². Однако же, данный факт не может служить свидетельством того, что историк вообще не интересовался теоретическими проблемами. Просто в мышлении А.А. Зими́на индукция всегда преобладала над дедукцией (особенно это проявляется в его последних, предсмертных работах), все свои генерализующие построения А.А. Зимин основывал исключительно на предварительно тщательно изученных и реконструированных исторических фактах. Поэтому его методологические построения являлись естественным продолжением разрабатываемых им в ходе конкретно-исторических исследований методик. Именно в них и нужно искать корни тех или иных методологических представлений историка.

В 1969 г. А.А. Зимин написал единственную свою статью, полностью посвященную вопросам теории источниковедения³. Характерно, что вышла она в свет в знаковом для того времени сборнике «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», созданном при участии не менее знакового для истории советской исторической науки Сектора методологии истории при Ин-

ституте истории АН СССР. Более нигде впоследствии столь развернутой форме он не будет характеризовать свои теоретико-источниковедческие представления.

Начинает в ней А.А. Зимин с того, что дает картину развития отечественного источниковедения «с точки зрения совершенствования приемов исследования»⁴. Историк выделил три этапа их развития.

Первый этап длился с конца XVIII по начало XIX в. В это время объектом изучения историков становился «один какой-нибудь памятник, который и рассматривался по возможности всесторонне»⁵. Именно на этом принципе строились работы А.Л. Шлецера, Е. Болховитинова. Чуть позже появились труды, в которых изучаются группы однотипных памятников, но и в них каждый источник изучался сам по себе, а «работа в целом складывалась из суммы источниковедческих разысканий по отдельным памятникам»⁶. Подобный характер носили исследования В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. При этом главным критерием оценки достоверности содержащихся в памятниках исторических сведений становился здравый смысл. Этот этап развития отечественного источниковедения А.А. Зимин назвал «источниковедением факта».

Безусловно, подобный подход к источникам страдал большим количеством недостатков. Здравый смысл исследователя, считал историк, не учитывал особенности мышления создателей исторических памятников, что приводило к явным ошибкам. Не ставился при таком подходе вопрос об истории памятника, дошедшего до исследователей в виде более поздней рукописной традиции. При исследовании источников массового характера с устойчивым формуляром архаические особенности формуляра воспринимались как действующие.

Второй этап А.А. Зимин ограничивает хронологическими рамками конца XIX – начала XX вв. На этом этапе источниковедение совершает революционный скачок вперед, что связано с исследованиями А.А. Шахматова. Главной новацией, привнесенной данным исследователем стало то, что он подвергал рассмотрению не один отдельно взятый памятник, а их совокупность. Объектом изучения стал не факт, а система фактов. При этом «объяснение конкретного факта зависело уже не только от него самого, а и от того, в какую систему он входил», «сама система фактов становилась одним из критериев выбора способов объяснения отдельных ее элементов». Если большинство фактов объяснялось одной гипотезой, то и в толковании других фактов исследователь опирался на ту же гипотезу. Конечно, подобный подход, отмечал А.А. Зимин, имеет «вероятностное значение» и может применяться только при соблюдении как минимум одного из двух условий: во-первых, «необратимости сопоставлений», во-вторых, наличия у ученого множества наблюдений, «каждое из которых имеет объяснение (вероятностное, но обязательное) через генерализирующую гипотезу»⁷. Соответственно, этот этап историк назвал источниковедением системы фактов.

Основой для построения гипотез стал логически-смысловой анализ текста. Но и этот подход имел ряд своих недостатков, которые сводились к модернизации мышления создателей источника и субъективизму исследователя. Эти проблемы в рамках источниковедения системы фактов оставались без разре-

шения. Прекрасным примером, иллюстрирующим эти недостатки для А.А. Зимина были работы Г.М. Бараца, доказывавшего определяющее влияние на древнерусские памятники произведений древнееврейской письменности⁸.

Выходом из положения стало появление на третьем этапе, после Октябрьской революции, источниковедения системы систем. Теперь источниковедение неизбежно должно было исходить из «многопланового анализа того или иного комплекса исторических памятников»⁹. Помимо логическо-смыслового анализа исследователи рассматривают и литературные приемы изложения в источниках, изменения их языковых особенностей, смены хронологических стилей и т. д. В русле источниковедения системы систем, считает А.А. Зимин, созданы работы Н.К. Никольского, Д.С. Лихачева, Л.В. Черепнина, Н.Е. Носова, Я.С. Лурье, С.М. Каштанова, А.И. Клибанова и др. Себя А.А. Зимин также относит к сторонникам этого подхода. Правда, свой переход к источниковедению системы систем он связывает лишь с работой над «Словом о полку Игореве» в начале 1960-х г¹⁰.

Неизбежным следствием принятия источниковедения системы систем стало признание невозможности в ряде случаев объяснить проблему исходя из одной единственно верной гипотезы (например, если в распоряжении ученого находится слишком мало источников)¹¹. Но в таком случае необходимо четко определить, что можно считать «гипотезой», а что – только «догадкой». Гипотезой, по мнению А.А. Зимина, можно считать только «наиболее вероятное» «из возможных истолкований факта»¹². Историк в своих построениях всегда должен руководствоваться исключительно гипотезами, в противном случае он неизбежно будет совершать ошибки. Примерами таковых ошибок А.А. Зимин находил в трудах Б.А. Рыбакова, С.О. Шмидта¹³.

Центральное место в источниковедческих изысканиях А.А. Зимина, безусловно, занимала текстология. Поэтому именно с его работами над летописями и литературно-публицистическими памятниками исследователи связывают развитие его методики и теоретических установок¹⁴. Подобное мнение, видимо, разделял и сам А.А. Зимин¹⁵. Такой угол зрения несколько оттеснял на задний план работы историка, посвященные анализу актовых источников¹⁶. Для наиболее полного понимания процесса эволюции источниковедческих представлений А.А. Зимина, на наш взгляд, следует тщательно проанализировать его статьи по дипломатике.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. исследователь обратил свое внимание на проблему датировки частных актов. В трех обстоятельных статьях¹⁷ он проанализировал свыше сотни частных актов, к тому времени уже изученных другими историками, и предложил свой вариант датировки данных источников.

Резкое недовольство А.А. Зимина вызвало то, что его коллеги и предшественники зачастую основывали свои соображения на «гипотезах общего характера», в то время как датировки недатированных актов должны основываться на фактах, хотя и мелких, но твердо установленных хронологически¹⁸. Естественно, актовый источник должен рассматриваться в составе большого корпуса других источников, без чего невозможно было бы вы делить необходимые для датировки факты. При этом в первую очередь А.А. Зимин стремится

очертить предположительный временной отрезок, в рамках которого был составлен разбираемый документ. Далее историк посредством сопоставления и отбора фактов сужает эти рамки, пока не приходит к какой-либо конкретной дате. Если таковой он не находил, то ограничивался указанием выявленного хронологического отрезка.

Проиллюстрируем, как данный принцип реализовывался им при анализе конкретного исторического источника. Так, первую договорную грамоту великого князя Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским Л.В. Черепнин¹⁹, на тот момент крупнейший специалист в СССР по проблемам дипломатики, относил к 1367 г. Однако же А.А. Зимин обращает внимание на то, что 23 октября 1364 г. умер брат Дмитрия Донского Иван Иванович. Если бы грамота была составлена после этого срока, то в тексте договора, с точки зрения историка, «должна была бы найти отражение судьба волостей покойного князя»²⁰. Следовательно, источник был составлен не позднее 23 октября 1364 г. Так как Дмитрий Донской в нем именуется великим князем, то, соответственно, составлен он и не ранее зимы 1362–1363 гг., когда с великокняжеского престола сошел Дмитрий Константинович Нижегородский. Следовательно, делает вывод А.А. Зимин, данный договор составлен между зимой 1362–1363 г. и 23 октября 1364 г. Возможно, предполагает он, грамота появилась зимой 1363–1364 г., когда «московскому князю естественнее всего... было урегулировать отношения со своим двоюродным братом»²¹. Но это, как подчеркивает историк, только предположение, которое не следует путать с данной им выше точной датировкой.

Как то нетрудно заметить, данные работы основаны на основных постулатах «источниковедения системы фактов» (привлечение всей полноты имеющихся в распоряжении исследователя фактов, следовательно, и источников, их содержащих, и логико-смысловой анализ текста выступал в качестве основного инструмент работы с источником). А его требование основывать все свои рассуждения исключительно на «твердо установленных» фактах впоследствии выльются в предложенное им определение гипотезы. Принципы же датировки, разработанные им на материале частных актов, А.А. Зимин в дальнейшем будет применять и к другим видам источников.

К началу 1950-х гг. относится и первое его обращение к проблеме фальсификации актовых источников. Его внимание привлекла уставная грамота Всеволода Мстиславовича, относимая коллегами историка к 30-м гг. XII в. Свои рассуждения он начинает с тщательного текстологического сопоставления всех дошедших списков источника. В конечном счете, исследователь выделяет среди них наиболее древний по своему происхождению текст, и далее работает с первоисточником.

А.А. Зимин находит в тексте акта ряд анахронизмов, что позволило ему не согласиться с принятой в историографии датировкой. Всеволод назван в ней великим князем, самодержцем, правителем всей Русской земли. Но Всеволод никогда не являлся великим князем Киевским. Грамота была дана церкви Иоанна Предтечи, с которой «якобы тесными узами связан Спасский собор в Торжку. Но собор Преображение Спасово в Торжку был поставлен только в

1364 г.»²². В тексте грамоты ученый находит упоминание об участии «житых людей» в торговом суде. Но, как отмечает А.А. Зимин, впервые о них в актах начали говорить лишь в 1372 г. Ипрское сукно (одно из видов фландрского сукна), встречающееся в грамоте, фиксируется в других источниках лишь в XV в. Возможностей торговли Новгорода с Фландрией в XII в., с точки зрения А.А. Зимина, не было практически никаких. Тверь в источниках историк фиксирует только в XII в., а в грамоте уже идет речь о «тверских гостях». Архимандрит в Юрьевом монастыре также появился не ранее конца XII в. Денежная единица грамоты – мордки – впервые встречается, по А.А. Зимину в источниках только с 1396 г. Упоминание этой денежной единицы позволило датировать уставную грамоту, так как общинные мордки были отменены в ходе денежной реформы 1410 г.

В результате предпринятого исследования А.А. Зимин пришел к следующим выводам: «... уставная грамота в дошедшей до нас редакции была составлена в самом конце XIV – начале XV в. Анализ ее текста не позволяет выделить первоначальный текст XII в., который позднее был переработан. Весь памятник настолько пронизан чертами исторической действительности XIV – начала XV в., что говорить о подлинной грамоте кн. Всеволода, положенной в его основу, не приходится»²³.

Итак, главными методами распознавания фальсификации в данном случае стали текстологический и терминологический анализ документа. Впрочем, в 1950-е гг. это – лишь одномоментное обращение к теме фальсификации актов.

1960-е гг. станут переломным временем в судьбе историка, этапом первого глубочайшего переосмысления им свои теоретических и концептуальных построений, затронувшее и его источниковедческие воззрения. А.А. Зимин переходит от «источниковедения системы фактов» к «источниковедению системы систем», причем переход этот он в воспоминаниях связывает с работой над «Словом о полку Игореве». Мы не ставим своей целью опровергнуть это утверждение, но, как нам кажется, его следовало бы несколько скорректировать. Как нам представляется, в данной смене методологических ориентаций свою роль сыграли и его изыскания в области дипломатики.

В это время А.А. Зимин вновь возвращается к проблеме фальсификации актовых источников, но уже на ином уровне, подвергнув анализу на этот раз уже несколько десятков грамот и существенно усложнив свой исследовательский инструментарий²⁴. Приведем несколько примеров того, как историк выявлял подобные фальсификации.

В качестве одной из искусных подделок А.А. Зимин показывает меновую грамоту кн. Юрия Ивановича Клобукову монастырю 1512 г. Настораживает исследователя выражение «ближний и верный боярин», нехарактерное для начала XVI в. В грамоте указан несуществующий Ян Кучукомович Головкин, чье место на момент составления документа занимал Иван Анисимович Головкин. Ян Головкин по росписям помечен как польский шляхтич, но его отчество «совершенно невероятно для шляхтича»²⁵.

Вместе с грамотой Саввы Сюзева, подложность которой доказал в конце 1930-х гг. С.Н. Валк, А.А. Зимин приводит и грамоту Митрофана Изинского 1416/17 г., составленную по тому же шаблону. И ту, и другую выдавал их формуляр, отличавшийся от типичного формуляра частных актов того времени. Слова «божией милостию» и точная дата в начале грамоты в текстах подобных документах той эпохи не фигурировали. Фальшивки эти, как считает А.А. Зимин, были составлены в Благовещенском монастыре в 90-е гг. XVI в. для того, чтобы закрепить за ним земли, являвшиеся предметом спора с местными племенами черемисов (марийцев)²⁶.

В качестве еще одной подделки А.А. Зимин, ссылаясь на аргументы до-революционного исследователя Н.П. Лихачева, приводит и кормленные грамоты бояр Протасьевых на волость Лузу и город Елатму с Кадовою 1425 и 1426 г. В грамотах упоминалась вислая печать с орлом, которая в то время попросту не существовала. В их поддельности убеждают и дошедшие до исследователей аналогичные ввозные грамоты на те же земли, датируемые 1555 и 1589 гг. Повторения содержания грамот, отдаленных друг от друга интервалом в 130 – 150 лет историк признавал невозможным. Как многие иные генеалогические подделки она, с его точки зрения, появилась в 80-е гг. XVII в., когда составлялись новые родословные книги²⁷. Таким образом, подводит итог А.А. Зимин, «одно из главных условий установления подложности акта – это применение комплексного метода исследования, при котором бы наблюдения, полученные на основе внешней критики источника, сочетались с результатами анализа его содержания, т. е. внутренней критики»²⁸.

Приведенные выше примеры демонстрируют, насколько обогатились используемые историком методики. К текстологическому и терминологическому анализу, поиску анахронизмов добавляется формулярный анализ, использование данных сфрагистики, палеографии. Факты, приведенные в актах, в обязательном порядке перепроверяются с помощью иных источников того же времени. При этом на завершающем этапе своего исследования ученый, считал А.А. Зимин, уже разоблачивший подделку, должен, суммировав свои результаты, предоставить соображения по определению времени ее составления, авторства и тех целей, которые она преследовала.

В начале 1960-х гг. между учеником А.А. Зимина С.М. Каштановым и крупным ленинградским историком Н.Е. Носовым развернулась дискуссия об информативности губных и земских грамот как источников по истории местного управления в России²⁹. Самое непосредственное участие в ней принял А.А. Зимин, написавший в ее ходе статью программного характера³⁰. В ней он поставил перед дипломатикой ряд задач, ждущих, по его мысли, в ближайшее время своего решения. Начинает свои рассуждения историк с того, что бросает своим коллегам и предшественникам упрек в выборочном привлечении данного вида источников, подтверждающих то или иное положение их концепций. Для создания полноценного исследования необходимо, считал он, всесторонне обследовать архивные фонды и выявить все имеющиеся там актовые материалы. После выполнения этого требования следовало установить, дошел ли до исследователей основной массив актовых материалов, либо лишь отдельные их

экземпляры («случайный материал»³¹). Во втором случае необходимым становилось проведение статистической обработки как актов определенной разновидности в целом, так и отдельных их элементов (клаузул). Подобное сочетание формулярного анализа со статистическими подсчетами, по мысли А.А. Зимина, сделало бы возможным проследить соотношение между формой и содержанием актового формуляра в связи с изменением политики правительства.

Фактически все работы по дипломатике, созданные историком в первой половине 1960-х гг. основываются на двух базовых постулатах: необходимости применения одновременно нескольких источниковедческих методик и привлечению к исследованию всех дошедших до историка источников. И оба этих постулата являются основой «источниковедения системы систем». При этом данные работы создавались одновременно со «Словом о полку Игореве». Следовательно, мы можем уверенно говорить о том, что на смену методологических воззрений А.А. Зимина помимо его текстологических изысканий немалое влияние оказали и его исследования в области дипломатики. Новые принципы и приемы анализа источников отрабатывались им на актовом материале не в меньшей мере, чем на литературно-публицистических сочинениях.

Незадолго до своей смерти историк, отчасти реализуя провозглашенную им в начале 1960-х гг. программу исследований, обращается к формулярному анализу, избрав объектом своих изысканий жалованные грамоты Иосифо-Волоколамского монастыря³². Непосредственно же он сузил предмет своего исследования до процесса эволюции вотчинной части их формуляра, которая, как он полагал, осталась малоизученной.

Первые общие жалованные грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю стал давать князь Юрий Иванович Дмитровский и Рузский начиная с 1516 г. Их вотчинная часть имела ряд особенностей. В них указывались основания, по которым те или иные владения считались монастырскими, сообщались лица, у которых они были куплены или выменаны. Сведения эти заполнялись на основании имеющихся в распоряжении монастыря документов. Иногда эта документация не могла быть представлена, в результате чего исследователи встречались с пропусками ряда монастырских владений. Не упоминались земли, на которые князь выдал грамоты отдельно.

Новый этап начинается с 1534 г. Теперь, отмечает А.А. Зимин, пожалованные грамоты мог выдавать только великий князь. Все старые были переписаны на имя Ивана IV Васильевича. Сами грамоты начинают составляться по уездно (на каждый уезд – своя грамота). С точки зрения А.А. Зимина этот принцип «несомненно, уже отставал от сложившейся действительности», так как в то время «уездные княжества ликвидируются»³³. Это было результатом сохранения в административном аппарате того времени пережитков удельных времен.

В 1551 г. на Стоглавом соборе принимается ряд решений, среди которых был и пересмотр монастырских жалованных грамот. Происходит отказ от уездного принципа составления грамот. Начиная со Стоглавого собора в них уже указываются земли, находящиеся в разных уездах. А в 1564 г. Иван IV Грозный выдает общую жалованную грамоту на всю вотчину Иосифо-

Волоколамского монастыря. Правда, как отмечает А.А. Зимин, ее вотчинная часть страдает от ряда пробелов, ставших результатом пропуска в тех грамотах, которые имелись в используемых при ее составлении источниках.

На первый взгляд эта работа может показаться некоторым шагом назад от ранее декларируемых историком принципов, как отступление от «источниковедения системы систем». Однако здесь надо отметить, что А.А. Зимин на момент написания статьи был серьезно болен и прекрасно сознавал, что на широкое полномасштабное исследование у него нет времени. Тем более, что он на тот момент был занят работой над своей последней монографией – «Витязем на распутье». Поэтому ему не оставалось ничего иного, как строго ограничить круг изучаемых источников (только жалованные грамоты Иосифо-Волоколамского монастыря) и набор методик (формулярный анализ, причем рассмотрению подверглась лишь вотчинная часть формуляра). Однако эта работа, как нами уже упоминалось, может рассматриваться и как часть более масштабной программы исследований. Озвученной им в 1962 г., которая, в свою очередь, исходила из принципов «источниковедения системы систем». Фактически же эта программа будет реализовываться в работах других исследователей, в первую очередь С.М. Каштанова³⁴.

Итак, подведем итоги. Исследования А.А. Зимина в области дипломатики занимали одно из центральных мест в его творчестве. Актовые источники находились в поле зрения А.А. Зимина на протяжении всего его творческого пути. За это время он подверг анализу несколько сот актов, каждый из которых был тщательно «разобран» и изучен. Принципы и приемы работы с данным видом исторических источников А.А. Зиминым в дальнейшем распространялись на другие виды источников, фактически на их основе и формировались собственно теоретико-источниковедческие представления историка. Немалое значение они имели и в процессе их эволюции: выше мы осветили уже их роль в переходе историка от принципов «источниковедения системы фактов» к «источниковедению системы систем». Впрочем, здесь необходимо заметить – помимо них на формирование и развитие теоретико-источниковедческих воззрений историка существенное воздействие все же оказывал опыт его историко-источниковедческих исследований художественно-публицистических сочинений и летописных памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Лурье Я.С. Вопросы методики источниковедения в работах и письмах А.А. Зимина // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тезисы докладов о сообщениях Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1990. Вып. 1. С. 160–62; Морозова Л.Е. О методике изучения повествовательных источников А.А. Зимина // Там же. Вып. 2. С. 187–190; Лурье Я.С. Об А.А. Зимине – источниковеде и текстологе // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Сб. XII. С. 329–331; Панях В.М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А.А. Зимина // Панях В.М. историографические этюды. СПб., 2005. С. 58–89 (1-е изд.). Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Сб. XIV. С. 107–135; Бычкова М.Е. Источниковедение в трудах А.А. Зимина // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII Международной научной конференции. М., 2010. С. 83–90 и др.

- ² Александр Александрович Зимин / сост. В.Г. Зиминая, Л.Н. Простоволосова. М., 2005. С. 85
- ³ Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 427–449.
- ⁴ Там же. 429.
- ⁵ Там же
- ⁶ Там же. С. 430
- ⁷ Там же. С. 432.
- ⁸ Там же. С. 433–435.
- ⁹ Там же. С. 436.
- ¹⁰ Зимин А.А. Обретение свободы // Родина. 1990. №8. С. 89
- ¹¹ Зимин А.А. Трудные вопросы... С. 439.
- ¹² Там же. С. 440.
- ¹³ Там же. С. 440 – 442. См. также: Он же. О методике изучения повествовательных источников XVI. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 187–211.
- ¹⁴ См. напр. Лурье Я.С. Об А.А. Зимине – источниковеде и текстологе. С. 329–331; Бычкова М.Е. Указ. соч. С. 89
- ¹⁵ Так, как то упоминалось выше, свой переход к «источниковедению системы систем» он связывал именно с работой над «Словом о полку Игореве».
- ¹⁶ Что, впрочем, отнюдь не означает полного невнимания историков к ним. См.: Панеях В.М. Указ. соч. С. 74–80; Бычкова М.Е. Указ. соч. С. 85–87
- ¹⁷ Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 266–290; Он же. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XII–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 300 – 327; Он же. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Там же. М., 1958. Вып. VII. С. 275–324.
- ¹⁸ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей. С. 331.
- ¹⁹ О нем см.: Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков: Время и судьбы. Т. I. Отечественная история. М.; Иерусалим; 2000. С. 285–303; Медушевская О.М. Л.В. Черепнин и становление науки об источниках // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 53–58 (перезд. в кн.: Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010. С. 344 – 350).
- ²⁰ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 282.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 128.
- ²³ Там же. С. 129 – 130.
- ²⁴ Он же. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 247–251; Он же. К изучению фальсификации актовых материалов в русском государстве // Труды МГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 399–428.
- ²⁵ Там же. С. 406.
- ²⁶ Там же. С. 400 – 404.
- ²⁷ Там же. С. 409 – 410.
- ²⁸ Там же. С. 427.
- ²⁹ О ходе дискуссии и позициях основных ее сторон см.: Кром М.М. Творческое наследие Н.Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в. // Государство и общество в России XV – начала XX вв.: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007.

С. 49–51, 54–56. обстоятельно касаться хода самой дискуссии в данной статье мы не намерены, т. к. это не входит в число поставленных нами задач.

³⁰ Зимин А.А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного самоуправления России первой половины XVI в. // Вопросы архивоведения. 1962. №1. С. 33–45.

³¹ Там же. С. 35–36.

³² Он же. О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 164–178.

³³ Там же. С. 172.

³⁴ О жизни и творчестве С.М. Каштанова см.: Столярова Л.В. Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // Ad fontem. У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 7–77.

А.М. Трубакова

КАТОЛИЧЕСКАЯ И ЛЮТЕРАНСКАЯ ОБЩИНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIX–XX вв.

Наличие в современной России большого количества религиозных групп и объявленная в 1990-е гг. религиозная свобода объясняют интерес исследователей к истории появления и становления различных конфессий на территории Российского государства. Выявление и изучение взаимоотношений между представителями разных конфессий, вопросов влияния тех или иных религиозных учений на общественную и культурную жизнь российского общества становится важной научной задачей. В условиях активизации российской религиозной жизни конфессиональная тематика исторических исследований приобретает важное общественное звучание и становится все более распространенной.

Целью данной статьи является изучение истории католической и лютеранской общин на Южном Урале в контексте отношений с дореволюционным, советским и современным российским государством. Рассмотрен процесс возрождения конфессиональной жизни лютеран и католиков на территории южноуральского региона, выделены основные направления деятельности неправославных церквей в контексте проблем современного российского общества.

Началом истории лютеранской общины можно считать 1576 г., когда была построена первая в Российском государстве кирха. Ее строительство было документально засвидетельствовано в письме Магнуса Паули. В письме говорится о разрешении Великого князя (Ивана IV) немцам открыто придерживаться здесь чистого евангельского учения аугсбургского вероисповедания и дарования им церкви¹. Истоки католической традиции восходят ко времени формирования Древнерусского государства. В начальный период христианизации Руси поле деятельности было открыто в равной степени и греческим, и латинским миссионерам, проповедники Евангелия шли на Русь как из Византии, так и с Запада. Общее ухудшение отношений между католическим Западом и православным Востоком стало происходить в XIII веке, когда началось постепенное культурно-конфессиональное отчуждение русских земель от Западной Европы. Коренной перелом в отношении к Римско-католической церкви произошел